

Анна Старобинец

Я жду

Откуда она взялась, я точно не знаю. Скорее всего, из холодильника. У меня там стояла кастрюля с супом. Долго. Очень долго. Суп приготовила мать – раньше она иногда заходила, – но я такой не ем. Щи. Через неделю содержимое кастрюли покрылось бледно-зеленой пленкой и стало вонять. Я накрыл кастрюлю крышкой и убрал в холодильник. Выливать было жалко. Все-таки мама готовила.

Через месяц я проснулся ночью от странного беспокойства. Зашел на кухню перекусить. В холодильнике почти ничего не было. Пара сосисок, пельмени, придушенный утром лимон. И кастрюля. Я вынул ее и решил наконец вылить. Задержал дыхание, открыл крышку. Оно застыло. Изменилось. Оно было... почти красиво. Выскребать это со дна и стенок, покупать чистящее средство, отмывать кастрюлю совершенно не хотелось.

Я решил выбросить все вместе с кастрюлей. Упаковал в несколько пакетов и утром, перед работой, понес на помойку. Подошел к мусорному баку. И не решился. Оно так долго у меня стояло... Мне стало жалко. Я поставил сверток рядом с баком и ушел на работу.

Вечером оно по-прежнему было там.

На следующий день, когда яглянулся из окна, свертка не было. Я испугался. Спустился вниз, подошел к мусорному баку... нет, на месте. Просто из окна не заметно. На всякий случай, чтобы не волноваться понапрасну, я унес его обратно домой. Снова поставил в холодильник.

Пахло очень плохо. Я перестал пользоваться холодильником. А потом и кухней – повесил на кухонную дверь железный замок. Ел в разных забегаловках. Как-то раз позвонил матери и спросил, можно ли мне пожить у нее. Она согласилась. Обрадовалась.

Я переехал, но уже через неделю стал нервничать. Все-таки на мне лежала ответственность. Я постоянно думал: как оно там, без меня. Совсем одно. В пакетах.

И я вернулся обратно. От запаха, густо пропитавшего всю квартиру, кружилась голова. Дверь на кухню была открыта.

Пакеты валялись на полу.

Вот тогда я впервые увидел ее. Она подошла ко мне доверчиво, с любопытством. Она была совсем маленькая.

Первое время я не знал, чем ее кормить. Приносил овощные смеси, готовил картофельное пюре, вымачивал белый хлеб в молоке. Но она это не ела.

Кажется, она вообще не ела. И не пила. И не умела говорить.

Спала она на кухне. На ночь я открывал ей дверцу холодильника – для освещения, вместо ночника. Иначе она боялась. Когда ей снились кошмары, она скреблась в дверь моей спальни. И я брал ее к себе в кровать. Хотя от нее ужасно пахло.

Я очень много для нее делал. Многим пожертвовал.

Я никогда не проветривал помещение – ей от этого становилось не по себе. Думаю, кроме меня никто не смог бы находиться с ней рядом. Но я любил ее. Я позвонил матери и всем своим знакомым и попросил их больше никогда ко мне не приходить. Позвонил на работу и сказал, что увольняюсь. А потом перерезал телефонный провод.

Я очень сильно ее любил. Так сильно, что иногда даже к ней прикасался. И обнимал ее.

Она быстро росла. Очень быстро. За день вырастала где-то на сантиметр. И... она была красива. По-своему.

Иногда кто-то звонил в дверь, и я сломал звонок. Чтобы нас не беспокоили.

Это случилось утром. Они вышибли дверь и ворвались в мой дом. Соседи снизу и люди в спецодежде. На них были противогазы. Она ужасно испугалась, и убежала на кухню, и пыталась забиться под стол или за холодильник. Но она была уже слишком большая и нигде

не помещалась. Они открыли все окна. Я сказал: “Не надо, она задохнется!” Они связали мне руки и увели из квартиры. Я не мог ей помочь.

Уходя, я видел, что трое в противогазах остались там. Они брызгали из баллончиков чем-то едким, ядовитым. На стены, и на пол, и прямо в нее. Прямо ей в лицо. А ей некуда было спрятаться.

Что они с ней сделали? Господи, что они с ней сделали?

С тех пор я ни разу не видел ее. Сюда, где я теперь живу, она не приходит.

Я вспоминаю нашу с ней жизнь – каждый час, каждую минуту – и не могу простить себя. Я должен был обращаться с ней ласковее. Обнимать ее чаще. Говорить с ней. И не заставлять ее спать одну, на кухне. Ей было там одиноко.

Я хочу все исправить. Я все исправлю, исправлю. Неделю назад мама принесла мне печенные яблоки, я завернул их в пакет и убрал в свою тумбочку. Сегодня, когда ушли врачи, я заглянул в пакет. Они уж немного изменились: стали мягче и покрылись белым пухом. А через несколько дней изменятся еще больше.

Я жду. У меня много терпения.

Она вернется ко мне.